

P. Топчинов

ДВЕ ЗАМЕТКИ О МАНДЕЛЬШТАМЕ

"ДРЕМУЧИЙ ЛЕС ТАЙГЕТА" И "ПЧЕЛЫ ПЕРСЕФОНЫ"

В 19-м № журнала "Часы" Петр Каменев опубликовал эссе о Мандельштаме, удачное уже в том отношении, что сно влечет за собой дальнейшие размышления. Правда, в этой заметке мы остановимся (разумеется, не с целью упрекнуть автора) на двух его частных соображениях, которые нам показались неудачными.

П.Каменев, стр.187 сл.:

(1) "Их родина - дремучий лес Тайгета.

Откуда возникает поэтичность в этом, казалось бы, совершенно безыскусном, лишнем тропов стихе? Сердцевина этой стилемы - Тайгет. А что такое Тайгет? Лесистая местность в Родопских горах на Балканах. С какой же стати родиной пчел оказывается горный лес в Родопских горах? Отчего не всякий, а именно этот? Въяве, сей, мало кому из русских читателей известный лес, никакого особого отношения к пчелам не имеет. С точки зрения реалистической поэтики это иллюзия. Сам лес в этом стихе ровно никакой роли не играет, зато всю поэзию стиха создает имя этого леса: Т А Й Г Е Т созвучен русской тайге, именно созвучен, а как лес на сибирскую тайгу вовсе не похож. Но само слово Тайгет в уме читателей сочетается с тайгой, а отсюда совершенно стершийся эпитет "дремучий" как бы удваивается и становится выразительным. И получается, что введенный в стих Тайгет - не только лес в Родопских горах, и не столько лес, сколько действующее слово, которое заставляет звучать новому другое слово - эпитет д р е м у ч и й. Но Родопские горы опять-таки связаны со всем стихотворением. Уже во втором стихе вводится место действия, древняя Греция:

Как нам велели пчелы Персефоны
А стало быть, и Тайгет как греческий топоним
здесь к месту!

(2) Признаюсь, я что-то не слыхал о том, что пчелы в греческой мифологии были атрибутом Персефоны. По-видимому, это измышление Мандельштама, но такое, что оно поэтически укладывается в сознание читателя. Именем благодаřи своей необычности: Персефона - царица царства теней, похищенная у Деметры Плутоном; она не утратила связи с землей, и пчелы - это вестницы от тоскующей по весенным лугам Персефоны. Мифологическая нелепость становится поэтической точностью. Мандельштам создает свою греческую мифологию, которая в поэтичности ничем не уступает древней."

Первое возражение состоит в том, что тайга, коль скоро уж есть лес, да еще дремучий, совсем не нужна. Перегруженность образа может только ослабить его художественную силу. Слово "дремучий" дорого Мандельштаму. Оно повторяется в этом стихотворении /"Не превозмочь в дремучей жизни страха"/ и еще в двух стихотворениях 1920 года /"дремучий акрополь" и "дремучий город"/. Есть у Мандельштама и "дремучий лес" - правда, в метафорическом словоупотреблении: "колоколов дремучий лес" /"О, этот воздух, смутой пьяный...", 1916/. В нашем случае "дремучий" подготовлено "д е б р я м и н о ч и" предшествующей строки. Далее, группа слов "дремучий лес Тайгета", конечно, представляет собой некое целое, но все же ее нельзя оторвать от контекста - ни строки, ни всего стихотворения. В таком случае возникают вопросы: почему сибирская тайга стала родиной пчел? какое отношение она имеет к античной Греции? и гармонирует ли она с медом и солнцем - одними из ведущих здесь образов? Приведем стихотворение целиком.

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда,
Как нам велели пчелы Персефоны.

Не ствязать неприкрепленной лодки,
Не услыхать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.

Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчелы,
Что умирают, вылетев из улья.

Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,
Их родина - дремучий лес Тайгета,
Их пища - время, медуница, мята.

Возьми ж на радость дикий мой подарок,
Невзрачное сухое окерелье
Из мертвых пчел, мед превративших в солнце.

/ноябрь 1920, посвящено О.Н.Арбениной/

Наконец, Тайгет не такая экзотика, как можно подумать. Этот покрытый лесом /в древности/ горный хребет в Пелопоннесе был естественной границей Лаконии, у острогов его находилась Спарта /Лакедемон/, и понятно ~~каким~~ поэтому, что он десятки раз упоминается в античной литературе, в частности, у таких читаемых авторов как Гомер, Геродот, Плутарх, Вергилий. Это нечто вполне реальное и достаточно съязвимое /что вообще характерно для поэтического метода Мандельштама/. Однако за Тайгетом не была закреплена какая-нибудь мифологическая традиция, поэтому дремучий лес /это классическое место действия волшебных сказок/ Тайгета сохраняет свою таинственность, которая лежит в основе художественной выразительности этого, кстати сказать, и по видимости отнюдь не безыскусного, но богатого аллитерациями и ассонансами стиха.

По авторитетному суждению Лидии Гинзбург, к поэзии Мандельштама приложимо то наблюдение общего характера над его прозой, которое сделал Н.Я.Берковский, а именно: Мандельштам "заставляет нас вчувствовать в вещь атрибуты, ей не принадлежащие, но взятые от комплексов, в которых вещь участвует". В поэзии Мандельштама, говорит

Л.Гинзбург, "представления, расположенные за пределами данного текста, вовлекаются в него динамикой ассоциаций".¹

Пчелы появляются в " " в связи с темой поэтического творчества.

На каменных отрогах Пиерии
Водили музы первый хоровод,
Чтобы, как пчелы, лирники слепые
Нам подарили ионийский мед. /1919/

Солнце непосредственно связывается с поэтическим творчеством в " " через Пушкина.

зачем
Сияло солнце Александра
Сто лет тому назад, сияло всем? ²

Но поэтическое слово Мандельштама бывало в царстве теней:

Я слово позабыл, что я хотел сказать.
Слепая ласточка в чертог теней вернется,
На крыльях срезанных, с прозрачными играть.³

/1920/

Так объединяются две темы – царства Персефоны и поэзии. Процитированное стихотворение, как и наше /"Возьми на радость..."/, были написаны в одно и то же время /ноябрь 1920/ и вместе с другим стихотворением конца 1920 /"Когда Психея-жизнь спускается к теням..."/ изданы однажды /1923/ под общим заголовком – "Летейские стихи". В нашем стихотворении царство Персефоны присутствует не только в имени его владычицы, но и в лодке /Харона/, которую не отвязать, в бесшумной тени, в "про-

¹ О лирике, изд.2-е, 1974, стр.372.

² "Кассандре", цит. по с

³ Это стихотворение разбирает Л.Гинзбург, стр.375.

зрачных дебрях ночи"⁴ и даже отчасти в "дремучем лесе"- родине пчел.⁵ Сами пчелы, как "летейские" - пытаются временем /а как пчелы в своей конкретной осозаемости - медуницей - ср. № 91 - и метод/. С временем, смертью - /Персефоной/ пчелы связаны уже в № 93 /март 1920/:

Сестры - тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы.
Медуницы и оси тяжелую розу сосут.
Человек умирает. Песок остывает согретый,
И вчерашнее солнце на черных носилках несут.

Ах, тяжелые соты и нежные сети!
Легче камень поднять, чем имя твое повторить.
У меня остается одна забота на свете:
Золотая забота, как времени бремя избыть.

Другая важная тема стихотворения - любовная. Она и в поцелуях, и в интимном "возьми на радость из моих ладоней".⁶ С этой темой особенно тесно связано проходящее через все стихотворение настроение грусти, быкости /"немного солнца и немного меда"/, "нам остается только..."/, слабости человека /"не отвязать..."/ и т.д./. Это настроение находит адекватное выражение в образах царства теней и связанных с ним пчел, "что умирают, вылетев из улья".

⁴ См. слово "прозрачный" в контексте №№ 73, 80, 87, 97, 98 /по изд. в "Библиотеке поэта"/; ср. Браун, р. 262-264 и Гинзбург, стр. 375.

⁵ Лес у Мандельштама один из атрибутов царства теней: "Когда Психея-жизнь спускается к теням, // В полуопрощенный лес..."; "И лес безлиственный прозрачных голубцов..." /там же/.

⁶ Ср. стихотворение 1916 года /"Не веря воскресенья чуду..."/, обращенное к Марине Цветаевой:

Как скоро ты смуглышкой стала
И к Спасу бедному пришла,
Не отрываясь целовала,
А гордою в Москве была.
Нам остается только имя:
Чудесный звук на долгий срок.
Прими к ладоням моим
Пересыпаемый песок.

Поэт называет свой подарок "диким". Это не романтическая странность, чудаковатость. "На дикую, чужую// мне подменили кровь", — говорит он в стихотворении того же 1920 года, обращенном, как и наше, к Ольге Арбениной. Поэт как бы отстраняется от своего подарка, он не может подарить такой, чтобы не нужно было сказать: "нам остаются только..." "Невзрачное, сухое ожерелье из мертвых пчел" — это грустно. Но дикий — это еще неожиданный, и все-таки подарок. В сущности, поэт дарит свои стихи, их можно принять "на радость". Поэтическое самовыражение состоялось, это позволяет появиться солнцу в конце заключительной строчки, а превращение, о котором здесь речь, вводит в эти "летейские стихи" тему преодоления смерти.

Есть произведение классической литературы, доступное Мандельштаму как в оригинале, так и в своей значительной части в переводе, в рамках которого мы найдем и пчел, и Персефону, и любовную тему, — это 1У книга "Георгик" Вергилия.⁷ Эта книга посвящена ищеводству. Значительную ее часть занимает миф об Аристее, призванный объяснить происхождение так называемой бугонии — способа разведения пчел при гниении тел мертвых быков. Аристей оказывается первоизобретателем /характерное античное / этого способа. А прежде, он лишился своих пчел вследствие гнева Орфея — ибо он, Аристей, оказался виновником гибели Эвридики, которую, предсказанную им, ужалила змея.

Так возникает очень важная тема Орфея и Эвридики. Мы находим ее в двух других стихотворениях Мандельштама, посвященных Ольге Арбениной и написанных тогда же, в ноябре-декабре 1920 /"В Петербурге мы сойдемся снова..."/, "Чуть мерцает призрачная сцена..."/. Теперь вторая и третья строфы интересующего нас стихотворения более полно раскрывают свой смысл, а также становится яснее вся

⁷ Перевод 1У, 149-558 Мандельштам мог найти в сборнике "Римские поэты", сост. В.Алексеев, т.1, СПб, 1897; 1У, 425-529 — в "Гермесе", т.1 /15/, 1907.

его образная система. Орфей не может по своему почину
плыть в ладье Харона, он не слышит идущую за ним тень-
Эвридику, ⁸ не может преодолеть страха, что один, без
возлюбленной покидает царство теней, оборачивается- Эв-
ридики удаляется, и только стена и поцелуй летят ей
вслед. Не смог великий певец сохранить свою Эвридику.

- "За то, что я руки твои не сумел удержать", -
так начинается еще одно стихотворение Мандельштама 1920
года, обращенное к Ольге Арбениной...

В заключение отметим, что в тексте Вергилия, помимо
мотива превращения мертвого в живое /бугония/, наличест-
вуют мотивы "повеления Персефоны" /I, 487/ ⁹ и быстро-
течности жизни пчел /I, 206 сл./. Возможно, что и лес
Тайгета стал родиной пчел под влиянием чтения
"Георгик". В I книге, правда, Тайгета нет /он дважды
упоминается в других книгах поэмы - II, 487 и III, 43/, но
есть Тайгета, звезда, одна из Плеяд /мать Лакедемона, со-
гласно традиции/: вынимать мед из ульев следует в соот-
ветствии с положением Тайгеты на небе /I, 231 сл./.

---

⁸ "Обутая в меха"- следовательно, неслышная; но ср. "Ро-
зу кутают в меха"- о Бозио в роли Эвридики в опере
Глюка /см. Гинзбург, 384 сл./

⁹ /"ибо такой закон
дала Прозерпина"- чтобы Эвридики шла сзади/.

МАНДЕЛЬШТАМОВСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ

В "ХУЛИО ХУРЕНИТО" ЕЛЬИ ЭРЕНБУРГА.

"Хулио Хуренито", гл. XXIII /Эрcole кувыркается. - Мы ликуем и мы беспокоимся/:

"Наступают как будто полные сумерки свободы".

Эта фраза заставляет вспомнить знаменитое мандельштамовское стихотворение "Сумерки свободы" /Москва, май 1918, первоначально под заглавием "Гимн"/:

Прославим, братья, сумерки свободы,
Великий сумеречный год!
В кипящие ночные воды
Опущен грозный лес тенет.

6   О солнце, судия, народ!

Прославим роковое бремя,
Которое в слезах народный вождь берет.
Прославим власти сумрачное бремя,
Ее невыносимый гнет.

12   В ком сердце есть, тот должен слышать, времена
Как твой корабль ко дну идет.

Мы в легионы боевые
Связали ласточек,- и вот
Не видно хихикающих солнца, вся стихия
Щебечет, движется, живет.

18   Сквозь сети - сумерки густые -
Не видно солнца и земля плывет.

Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывет. Мужайтесь, мужи,
Как плугом океан деля.
Мы будем помнить и в летяжной стуже,

24   Что десяти небес нам стоила земля.   179.

Роман Эренбурга был написан летом 1921. Сомнения относительно характера совпадения между "Хулио Хуренито" и стихотворением Мандельштама рассеивают воспоминания Эренбурга.

"Люди, годы, жизнь", кн.11,14:

"Познакомился я с Осипом Эмильевичем в Москве; потом мы часто встречались в Киеве /в 1919 - см.кн.11, 11/- в греческой кофейне на Софийской; там он прочитал мне свои стихи о революции: "Восходишь ты в глухие годы, о солнце, судия-народ".....

"Я уже говорил /см.кн.П,4/, как в 1918 году он меня поразил глубоким пониманием грандиозности событий: стихи о корабле времени, который меняет курс."

Эти признания Эренбурга позволяют думать, что еще два места в "Хулио Хуренито" могут быть реминисценциями "Сумерек свободы".

"Х.Х.", гл.XXУ /Хуренито пишет декреты. - Спор о свободе в В.Ч.К./:

"Но мне очень обидно видеть, что вы не являетесь капитаном корабля, и что в этом безумном повороте повинны не руль, но черные волны."¹

"Х.Х.", гл.XХУІІ /Великий Инквизитор вне легенды.- в Собр. Соч. в 9-ти томах эта глава опущена/:

"...я действительно чувствовал, как небольшая комната с высокими окнами, выходящими на заснеженные пустыни, преображается в капитансскую вышку, а мертвый Кремль и вся ледяная угрюмая Россия в дикий корабль, отчаливший в ночь".

Стихотворение Мандельштама "Сумерки свободы" неод-

¹ На это место в связи с "Сумерками свободы" указывает Нильсон.

нократно обсуждалось,² но мало исследовалось.³ Мы, одна -

² Помимо Эренбурга, - В. Назаренко: "Звезда", 1961, №9, стр. 199; Н. Чуковский: "Москва", 1964, №8, стр. 151; Вл. Орлов: "Вопр. литер.", 1966, №10, стр. 135; Г. Маргвелашвили: "Литер. Грузия", 1967, №1, стр. 81; А. Дымшиц: во вступ. статье к изд. Мандельштама в "Библ. поэта" /2-е изд., стр. 21 сл./; Л. Гинзбург: О лирике, изд. 2-е, 1974, стр. 386 сл.;

Советские авторы /кроме Назаренко/ видят в "Сумерках свободы" доказательство приятия Мандельштамом революции, при этом - как справедливо отметил Браун - они последовательно избегают цитировать ст. 9 сл. и другие "неподходящие" места. С другой стороны, не более прав в своих /оставляющих крайне тягостное впечатление/ находках на Мандельштама /и Эренбурга/ Назаренко, полагая позицию "Сумерек свободы" тождественной воле "Пропала Россия!"

³ Орлов и, вслед за ним, Гинзбург /оцниваясь на ст. 5/ считают, что речь идет о предрассветных сумерках /только не следует с ущербом свободы подменять на утро свободы!/. Маргвелашвили указывает в качестве параллели к "Сумеркам свободы" на поэтическое обращение Андрея Белого "Современникам"; Нильсон отмечает ряд других параллелей в поэзии революционной литературы, а также как на возможный источник Мандельштама указывает впрочем, весьма осторожно - на "Чистилище" У1, 76 /приводим в пер. Лозинского/:

Итalia, раба, скорбей очаг,

В великой буре судно без корыла..!

/Но следует иметь в виду, что морская метафора сама по себе - тривиальность уже для греческой литературы У. до И.Э./; Браун показывает ретроспективную связь между "Сумерками свободы" и стихотворением "Полночь в Москве"... /1931/:

Мы умрем, как пехотинцы,
Но не прославим ни хищи, ни поденщики,
ни лжи;

Дымшиц отмечает параллель между ст. 12 сл. и "Разговором о Данте" /М. 1967, стр. 21/.

Естественно также вспомнить блоковское "Рождение в годах глухих..." /1914/. Ср. черновой вариант этого стихотворения:

Родившийся в глухие годы
Не помнит детства своего.
Но мы - мы дети дней свободы.
Мы не забыли ничего.

ко, ограничимся сугубо частной задачей: отражение этого произведения у Эренбурга.

Сначала приведем контекст одного из упоминаний "Сумерек свободы" в воспоминаниях Эренбурга.

"Люди, годы, жизнь", кн. II, 14:

"...передо мной том "Литературной энциклопедии", изданный в 1932 году; там сказано: "Творчество Мандельштама представляет собой художественное выражение сознания крупной буржуазии в эпоху между двумя революциями... Для мировоззрения Мандельштама характерен крайний фатализм и холод внутреннего равнодушия ко всему происходящему... Это лишь чрезвычайно "сублинированное" и зашифрованное идеологическое увековечивание капитализма и его культуры..." /Статья написана была молодым критиком, который не раз прибегал ко мне, восторженно показывая неопубликованные стихотворения Мандельштама, переписывая его стихи, переплетая, дарил друзьям/. Трудно сказать большую гэлепость о стихах Мандельштама. Вот уж воистину, кто менее всего выражал сознание буржуазии, и крупной, и средней, и мелкой! Я уже говорил, как в 1918 году он меня поразил глубоким пониманием грандиозности событий: стихи о корабле времени, который меняет курс. Никогда он не отворачивался от своего века, даже когда волкодав принимал его за другого. "Пора вам знать, я тоже современник, я человек эпохи Москвошвей. Смотрите, как на мир топорщится пиджак, как я ступать и говорить умею! Попробуйте меня от века оторвать! - Ручаюсь вам, себе свернется шея..." ... и т.д.

Эренбург стремится "реабилитировать" Мандельштама и лукавит. Лучше это видно на втором его примере. Эренбург опровергает мнение, согласно которому, Мандельштам был равнодушен к своему времени. Но неужто Эренбург находится в процитированных им строках что-нибудь лестное для "эпохи Москвошвей", современником которой вынужден признать себя поэт? Аналогичным образом, Эренбург пишет

"меня поразил", ⁴ но разве не ясно, что должен подразумевать читатель под "глубоким пониманием", когда эти слова исходят из уст признанного советского писателя? Кстати, хотя мотив поворота занимает важное место в "Сумерках свободы", "корабль времени", строго говоря, тонет, а не меняет курс/. Впрочем, интерпретацию Зренбурга окончательно проясняет другое место из его воспоминаний.

"Люди, годы, жизнь", кн. II, 4:

"Теперь каждому ясно, какой подвиг совершил наш народ в нищей, темной, голодной стране, когда осенью 1917 года он пошел по новому, непроторенному пути. А тогда не только я, но и многие писатели старшего поколения, да и мои сверстники еще не понимали масштаба событий. Но именно тогда молодой петроградский поэт, которого считали салонным, ложноклассическим, далеким от жизни, тщедушным и интимным Осип Эмильевич Мандельштам написал замечательные строки: "Ну, что ж, попробуем: огромный, неуклюжий, скрипучий поворот руля. Земля плынет. Мужайтесь, мужи, как плугом, океан деля, мы будем помнить и в летеской стуже, что десяти небес нам стояла земля".

⁴ И по-видимому, он говорит это искренно. Ср. его же, Портреты современных поэтов, М. 1923, стр. 52: "Поэты встретили русскую революцию буйными вскриками, клякучими слезами, плачем, восторженным беспозванием, проклятьями. Но Мандельштам - бедный Мандельштам, который никогда не пьет сырой воды, и, проходя мимо участка комиссариата, переходит на другую сторону, - один понял пафос событий. Мужи голосили, а маленький хлопотун петербургских и других кофеен, постигнув масштаб происходящего, величие истории, творимой после Беха и Готики, прославил безумие современности: "ну, что ж, попробуем огромный, неуклюжий, скрипучий поворот руля".

Теперь посмотрим, в каких контекстах мандельштамовские реминисценции оказываются в "Хулио Хуренито". Во всех трех случаях речь идет как раз о свободе. В XXV главе романа рассказывается о том, как Хуренито был комиссаром в Кинешме и что из этого вышло. В своей деятельности Великий Провокатор, как он охарактеризован с первых страниц романа, руководствовался следующим принципом: "Хуже всего, если вместо слома и стройки пойдет на ремонт... Я попытаюсь воплотить в жизнь новые основы равенства, организации, осмыслиности бытия". "Начал он с равенства. Все комиссары, советские спецы и артисты местного "кабарэ имени Карла Маркса" переселялись в рабочие каморки и подвалы. Далее, для комиссаров, заведующих складами сукна или стоящих во главе "комиссии по сбору излишков у буржуазии", устанавливалась единообразная форма..." Затем, в частности, Хуренито издал "три небольших декрета".... Вот их точный текст:

I. "Ввиду недостатка кожевенного сырья и готовой обуви, а также ввиду плохого состояния тротуаров г.Кинешмы, запрещается с 15-го с.м. всем гражданам ходить по улицам в рабочие часы с 10 до 4 часов вечера, кроме направляющихся по делам службы и снабженных соответствующими удостоверениями."

II. "До выработки центральными советскими органами единого плана рождений на 1919 г., запрещается с 15-го с.м. гражданам г.Кинешмы производить зачатия."

III. "Условия настоящего момента требуют от всех частных граждан максимального напряжения сил для воссоздания промышленности и транспорта. Посему, в целях экономии мозгов совработников, из общественной библиотеки временно прекращается выдача книг философских и теологических."

Доконал своих подчиненных Хуренито тем, что "не колеблясь, приказал музеи и все театры немедленно закрыть, помещения предоставить для профессионально-технических школ, художников мобилизовать для выработки солидной и удобной формы мужских ботинок и кресел советских концепций, а актеров, снабдив всяческими директивами, отправить в уезд, уговаривать крестьян сажать побольше кар-

тофеля".

По многочисленным жалобам, Хуренито был отозван. Явившись в Москву, Хуренито тотчас попал на митинг, где он смог убедиться, "что точка зрения кинешемских актеров разделяется великими держателями и рулеми." Вот что говорили они: "в пролетарском государстве воскресает красота античного мира", "мы поборники вольной мысли", "ни- не наступило истинное царство свободы." Учитель не мог вытерпеть... он закричал: "Как вам не стыдно возиться с протухшей красотой или с трухлявенкой свободой? Вы на-стоящие контрреволюционеры!"

После этого поборники свободы арестовывают Хуренито и приговаривают его к расстрелу. Его спасает амнистия, вышедшая по случаю приезда депутатии сиамских или каких-то других коммунистов. Хуренито оказывается в комнате, "где на диване какой-то интеллигент пил чай в прикуску". Революционный следователь спрашивает у Хуренито, неужели он настолько злобен и слеп, что не видит очевидного, "а именно, что Р.С.Ф.С.Р. - подлинное царство свободы?"

Ответ Хуренито: "...я не слеп и не злобствую... Революция же мне вполне по сердцу, и я полагаю, что в течение тридцати одного года своей жизни я предпочтительно занимался именно уничтожением, подрывами, поджогами и всяческими очистительными операциями. Что касается свободы, то сие есть абстракция, в наши дни крайне вредная. Вы уничтожаете свободу, поэтому я приветствую вас. Вы величайшие освободители человечества, ибо несете ему прекрасное иго, на золоченое, но железное, солидное и организованное. Будет день, когда для гимназистов выпускного класса свобода явится революционным кличем и от него полетят, как перья обшипанной курицы, благолепие и тысяча облачений иных строящегося мира. Но сегодня "свобода" - понятие реакционное, подушка рантье, леденец в кулаке энтропофага, канонизация всех помойных ям мира. Я приветствую вас, ибо вы за год основательно вышибли из голов лежебоков, грязеров и слюняев само понятие свободы. Но мне очень обидно видеть, что вы не являетесь капитаном корабля, и "

что в этом безумном повороте повинны не руль, но черные волны..."

Следователь пришел в негодование и попытался при помощи "Коммунистической Азбуки" доказать Хуренито, что "из царства необходимости мы вступили в царство свободы". Хуренито отвечает:

"Дорогой товарищ, я ничуть не сомневаюсь, что царство свободы когда-нибудь настанет /возможно тогда, когда будут истреблены последние люди на нашей планете/. Пока что, мы именно вступаем в царство открытой необходимости. Велика и сложна наша миссия- приучить человека настолько к колодкам, чтоб они оказались ему нежными объятиями матери. Для этого все же надо подходить осторожно... Оставьте свободу... и делайте без нее все, что вы, собственно говоря, и так делаете!"

"Вы несправимы", - сухо ответил следователь. - "... Мы не враги, но ревнители свободы. Смертная казнь по отношению к вам и к гражданину Бренбургу заменяется принудительными работами и содержанием в концентрационном лагере вплоть до окончания гражданской войны. Надеюсь, там вы сознаете свою ошибку!"

Процитированный текст говорит сам за себя. XXXI глава романа, где мы находим образ корабля-России и комнаты /вождя/- капитанской вышки /ср. "Сумерки свободы": ст. 8 в контексте морской метафоры/ посвящена беседе Хуренито с коммунистом в Кремле. Первый вопрос Хуренито, обращенный к коммунисту, сводится к тому "почему не закрыты все театры, не упразднены поэзия, философия и прочее лодырничество?" Второй- "как можете терпеть вы левых эс-эров /автор "Хулио Хуренито" в 1921 прекрасно знал, какими судьбами левых эсеров/, выступающих на митингах, идеалистов, продолжающих, пусть тихо, в семейном кругу, помнить исторический материализм, неконец, просто миллионы людей, которые до сих пор верят не в торжество коммунизма, а в целительные способности Святителя Николаевона?" - Все это провокации, аналогичные описанным выше. Но оговоримся: два рассмотренных места нельзя с полной уверенностью считать реминисценциями, хотя и текстуальная близость, система образов и общность связанных с ней темы

говорят за это. Но в третьем отрывке, в случае несомненной мандельштамовской реминисценции, мы находим тот же ход мысли, причем выраженный с наибольшей отчетливостью.

Глава ХХIII романа описывает послефевральский Петроград, по-видимости опьяненный свободой, сумасбродный. Речь учителя начинается выразительным "надоело". Он подводит итог послефевральному времени:

"Глядите на эти испуганные, встревоженные, отчаявшиеся улицы. Каждый камешек, каждый сопляк вопиет: "Уберите свободу, она тяжелее всякого ярма, она не под силу!" Разве мыслема свобода вне полной гармонии? Она быстро превращается в скрытое рабство. Я становлюсь свободным, угнетая другого. Очень быстро можно научиться не давать себя теснить, но нужны железные века нового, неслыханного искусства, чтобы потерять волю теснить другого..."

Теперь человечество идет отнюдь не к парадизму, а к самому суровому, черному, потогонному чистилищу. Наступают как будто полные сумерки свободы. Ассирия и Египет будут превзойдены этим новым неслыханным рабством. Но катархные галеры являются приготовительным классом, залогом свободы — статуи на площади, не захвачанной выдумки писаки, а свободы творимой, непогрешимого равновесия, предельной гармонии... помните, — это я говорю вам теперь, когда тысячи рук тянутся к палке и миллионы сладострастно готовят свои спины, — будет день, и палка станет никому не нужной. Далекий день! А пока до свидания!"

Картина ясна: революция мыслится здесь как действительно необходимая для конечного торжества подлинной свободы, но сумерки свободы, которые революция принесет в непосредственном будущем суть именно сумерки: это время, которое затмит древневосточные despots, это время, когда тысячи будут держать в руках своих палки, а миллионы сладострастно поставлять свои спины. Таков был взгляд Эренбурга в 1921 году, и весьма вероятно, что именно так он воспринял "Сумерки свободы" Мандельштама — стихотворение, которое потрясло его "глубоким пониманием грандиозности событий."